

The background of the cover is a dynamic space scene. A large, detailed spaceship is the central focus, angled diagonally. It has a complex design with various modules, antennas, and a prominent red section on its side. From the front of the ship, several bright, multi-colored energy beams (purple, blue, and white) are being fired. The background is a fiery orange and yellow nebula or explosion, with a large, bright white light source in the upper right. In the top left corner, a small crescent moon is visible against the dark space.

СЕРГЕЙ СНЕГОВ

УМЕРШИЕ ЖИВУТ

SERGEY SNEGOV
THE DEAD LIVE ON

Сергей Александрович Снегов
Умершие живут
Серия «Братья Рой и
Генрих Васильевы»
Серия «Классика фантастики»
Серия «Сергей Снегов. Лучшее»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69581587

*Умершие живут:
ISBN 978-5-6050125-1-1*

Аннотация

Братья Генрих и Рой Васильевы. Два космических детектива, специализирующихся на раскрытии мрачных тайн времени и пространства. Два ученых-физика исследующих загадочные явления в космосе и обществе, представляющие опасность для человека. Именно они изобрели радар, читающий мысли давно умерших людей, создали прибор, разыскивающий преступников и помогли человечеству найти разгадку ранее неизвестных явлений, при помощи своих гениальных изобретений.

В сборник вошли рассказы из цикла: «Братья Рой и Генрих Васильевы»:

«Умершие живут»

«Стрела, летящая во тьме»

«Машина счастья»

«Сверхцентр бессмертия»

«Принуждение к гениальности»

«Сквозь стены скользящий»

«Тяжелая капля тщеславия»

«Бритва в холодильнике»

Содержание

Умершие живут	6
Стрела, летящая во тьме	43
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Сергей Снегов

Умершие живут

© Т.С. Ленская

© Е.С. Ленская

© ИП Воробьёв В.А.

© ООО ИД «СОЮЗ»

Умершие живут

1

Петр потерял нить спора. Рой и Генрих спорили всегда. В мире не было явления, которое братья оценили бы одинаково. Если один говорил: «да», другой сразу же откликнулся: «нет». Даже по виду они были не разные, а противоположные. Рой – два метра тридцать, голубоглазый, белокурый – был так обстоятелен, что отвечал речами на реплики. Генрих – всего метр девяносто восемь, черноволосый, непоседливый – даже на научных совещаниях ограничивался репликами вместо речей. Словоохотливость Роя раздражала Генриха, он насмехался над стремлением брата не упустить ни одной мелочи. Исследования по расшифровке слабых излучений человеческого мозга, уловленных приборами в межзвездном пространстве, они совершили совместно. Еще когда Генрих заканчивал школу – Рой был на семь лет старше, – братья стали работать вместе и с той поры не разлучались ни на день. Достаточно было одному чем-либо заинтересоваться, как другой тотчас загорался этим же. Трудно было найти столь же близких друзей, как эти два человека.

– Ты не желаешь слушать! – упрекнул Генрих Петра.

– ...и потому надо переработать огромный фактический материал, фиксируя сразу десятки и тысячи объектов, – невозмутимо продолжал Рой какой-то сложно задуманный аргумент.

– Тумба! – с досадой продолжал Генрих. – Даже тумба – и та внимательнее тебя, Петр.

– ...а на основе проделанного затем подсчета и отбора наиболее благоприятных случаев...

– Я отвлекся, – сказал Петр с раскаянием.

– ...учитывая, конечно, индивидуальные особенности каждого объекта, ибо на расстояниях в сотни светолет искажения неизбежны, и, кроме общей для всех характеристики, они будут пронизаны своими неповторимыми особенностями...

– Твое мнение? – потребовал Генрих.

– У меня его нет, – сказал Петр. – Я наблюдатель, а не судья.

– ...вывести общее правило поиска и применить его к расшифровке других объектов, которые, в свою очередь...

Генрих вскочил:

– Выводи общие правила, а я начну, как все люди, с самого простого.

Генрих вышел, хлопнув дверью. Рой замолчал, не закончив фразы. Петр засмеялся. Рой с укором посмотрел на него.

– Неужели вы рассчитывали, что с первого испытания все пойдет как по маслу? – спросил Петр.

– Вторая неделя, как механизмы запущены, – пожаловался Рой, – и ни одной отчетливой картины!

Петр сочувственно посмотрел на него. Братьям, конечно, не до веселья.

Сверхсветовые волны пространства, в считанные минуты уносясь за Сириус и Капеллу, фиксировали множество сфер излучения, удалявшихся от Земли, но расшифровать их не удавалось. На экране порой вспыхивало что-то туманное, нельзя было разобраться, где лица, а где деревья, где животные, а где здания, – посторонние шумы забивали голоса.

– Вы сумели разрешить самое важное: волны пространства оконтуривают все уносящиеся мозговые излучения, – сказал Петр. – Доказано, что человек оставляет после себя вечный памятник своей жизни. А что буквы на памятнике так сложны...

– На Земле уже двести лет отлично расшифровывают излучения мозга, возразил Рой. – Но что это может оказаться так трудно по отношению к волнам, давно путешествующим в космосе...

– Вот-вот! А теперь вы тщательно разберетесь в помехах и найдете способы преодолеть их.

В комнату вошел взволнованный Генрих.

– Все механизмы уже переведены на мою систему поиска, Рой! Советую тебе убедиться, что ничего от твоих предложений в программах не сохранено.

– Если все собрано точно по твоей схеме, то не сомнева-

юсь в провале. – Рой вышел.

– Устал! – сказал Генрих, опускаясь в кресло. – Две недели почти без сна... Тошнит от мысли о восстановительном душе. Рой обожает душ. А терять часы на сон жалко! Как вы обходились в своей дальней дороге?

– Мы спали, Генрих. У нас тоже имелся радиационный душ, и мы порой, особенно за Альдебараном, прибегали к нему. Но любить его – нет, это противостоестественно! Когда была возможность, мы спали обычным замечательным земным сном.

– Я посплю, – пробормотал Генрих, закрывая глаза. – Минут десяток...

– Только не сейчас!.. – Петр потряс Генриха за плечо. – Когда вы запальчиво спорите, я никого из вас не понимаю. Объясни, пока Роя нет, чем твоя схема отличается от его.

– Схема? – сказал Генрих, открывая глаза. – У Роя нет схем. Рой педант.

Генрих вскочил и зашагал по комнате. Если приходилось объяснять, ему легче это было делать на ходу.

Петр наконец уяснил себе, что Рой настаивает на фиксации всех излучений мозга, обнаруженных в галактическом пространстве, а после изучения того, что объединяет их, хочет искать индивидуальную расшифровку. Генрих же настаивает, чтобы поиск начали с излучений выдающейся интенсивности, с резкой индивидуализацией – горных пиков своеобразия на плоской равнине схожестей.

– Во все времена существовали люди с особо мощной работой мозга. Пойми меня правильно, Петр, я не о признанных титанах умственного усилия... Нет, обычные люди, может, неграмотные мужики, а может, и гении, не зарекаюсь, – те, у кого мозг генерировал особо мощно...

– Мне кажется, резон в твоих рассуждениях есть.

– Скажи это Рою! Обязательно скажи!

Генрих снова опустился в кресло. Рой все не появлялся, и Петр осторожно спросил Генриха:

– Рой намекнул, что у тебя есть какие-то личные причины заниматься этой работой... Извини, если вторгся в интимное...

– Я не скрываю. Ты слышал об Альбине?

– Знаю, что она была твоей невестой.

– И больше ничего?

– Я был в командировке на Прочионе, когда она погибла при катастрофе с планетолетом. Нас всех потрясло это известие. Очаровательная, очень красивая женщина.

– К тому же – редкая умница... Гибель ее... в общем, я думал о ней ежеминутно, говорил с ней во сне и наяву. Мне захотелось возвратиться в ее жизнь, увидеть ее девочкой, подростком, девушкой... Так явилась мысль заняться волнами мозга, излученными в пространство. Механизмы разрабатывал Рой.

– А то, ради чего ты начал работу?

– С Альбиной пока не получается... Радиосфера ее мозга

несется где-то между тридцатью двумя и восемью светогодами. Она умерла восемь лет назад, двадцати четырех лет от роду. Но на таком близком расстоянии – дикий хаос мозговых излучений. Слишком уж интенсивно думают наши дорогие современники...

В комнату быстро вошел Рой.

– В восьмистах пятидесяти светогодах от Земли, за Ригелем и Бетельгейзе, приемники зафиксировали мощное излучение мозга! Идемте смотреть.

2

На стереоэкране вначале прыгали цветные блики, световорот крутящихся вспышек накладывался на круговорот предметов. Потом в хаосе внезапно наступил порядок. На экране выступили цифры, знаки и буквы, они выстраивались цифра за цифрой, буква за буквой, знак за знаком.

– Формулы! – воскликнул Генрих.

– Формулы! – подтвердил Петр. – Стариннейший способ, начало алгебры. Сколько помню, такие формулы применялись на заре науки.

– Похоже, мы уловили мыслительную работу какого-то математика, сказал через минуту Генрих. – Рой, ты все знаешь. Какие математики были в ту эпоху?

Расшифрованное излучение походило на доказательство теоремы. Неизвестный математик рассчитывал варианты,

принимал одни, отвергал другие: некоторые буквы исчезали, словно стертые, другие выступали отчетливей – доказательство шло от посылок к следствиям.

– Нет, какая мощная мыслительная работа! – снова не выдержал Генрих. – Этот парень так погружен в вычисления, что не видит ни одного окружающего предме... Что это?

На экране возникло изображение старинной улицы – кривая, круто уходящая вверх мостовая, трехэтажные красные дома с балкончиками и флюгерами, в отдалении – крестьянская телега, запряженная быком. По улице шел толстый человек в берете и темном плаще, из-под плаща выступал кружевной воротник. У человека было обрюзгшее лицо, под глазами багровые мешки, губы зло кривились. В руке он держал суковатую палку.

– Вы так задумались, господин советник Ферма, что не видите, как наталкиваетесь на прохожих, – сказал человек в берете и стукнул палкой по булыжнику. Голос у него был под стать лицу – хриплый, сварливый. – Скажите спасибо, что столкнулись со мной, а не со стеной, а не то у вас появилась бы на лбу преогромнейшая шишка!

С экрана зазвучал другой голос, растерянный и добрый:

– Простите, господин президент парламента, я временами бываю... Поверьте, я очень смущен!..

– Рад за вас, что вы смущены своей бестактностью, Ферма, – продолжал человек в кружевном воротнике. – И что вы временами «бываете», я тоже знаю. Весь вопрос, где вы бы-

ваете. Бывать на службе вы не имеете времени. Ну-с, я слушаю. О чем вы размышляли?

– У меня сегодня счастливый день, господин президент. Я наконец осуществил давно задуманное!

– Вот как, счастливый день? Осуществили задуманное? А что вас так обрадовало, Ферма? Неужели вы задумали разобратся наконец в том ворохе дел, что накопился у вас в ра-туше, и осуществили задуманное? Неужели теперь никто не будет тыкать в вас пальцем как в лентяя? Ферма, может быть, вы задумали взяться за ум, как этого требует ваше благородное происхождение и незаурядные знания, а также общие пожелания граждан нашего города, и осуществили это? О, если это так, Ферма, я вместе с вами воскликну: «Да, он имеет право быть счастливым!» Что же вы опустили голову?

– Господин президент... Я сегодня нашел доказательство одной замечательной теоремы, и какое доказательство!

Толстяк взял за локоть невидимого на экране Ферма.

– Сделаем шаг в сторону, господин советник. Вот цирюль-ня нашего уважаемого Пелисье, вот его реклама – уличное зеркало. Вглядитесь в зеркало, Ферма, и скажите, что вы ви-дите?

– Станный вопрос, господин президент! Я вижу себя.

Теперь с экрана глядел второй собеседник – худое, удли-ненное лицо, высокий, плитою, лоб, резко очерченный нос над крохотными, ниточкой, усиками, черные волнистые – свои, а не накладные – волосы, белый, платком, льняной во-

ротничок.

– Я видел его портрет в музее, – прошептал Генрих. – Как похож!

– Какие лучистые глаза! – отозвался Петр. – И какое благородство и доброта в лице!

– Вы мешаете слушать! – пробормотал Рой. – Глаза как глаза – глядят!

А люди на экране продолжали беседу:

– Я скажу вам, что вы увидели в зеркале, Ферма. Вы увидели удивительного мужчину – не добившегося положения в обществе, теряющего любовь невесты, уважение окружающих... Вот кого вы увидели, Ферма! И после этого не твердите мне о дурацких доказательствах каких-то дурацких теорем. Я друг вам и как друг говорю: вы конченный человек, Ферма! Вся Тулуза издевается над вами! Арифметикой Диофанта в наше время не завоевать ни денег, ни положения, ни любви. Оставьте это старье древним грекам, которые находили в цифрах и чертежах противоестественное наслаждение, и станьте наконец в уровень с веком. До свиданья, Ферма!

– Одну минуточку, господин президент!.. Я ведь шел к вам, чтобы... Я третий месяц не получаю жалованья, господин президент!

Толстяк снова стукнул тростью о булыжник.

– И еще три месяца не получите! Жалованье! Вас не за что жаловать. Подумайте над моими словами, Ферма.

Толстяк медленно поднимался по крутой улице, а дома

стояли неподвижно. Потом дома пришли в движение, теперь улица опускалась. Дома уходили вверх, их сменяли новые – Ферма шел вниз. Улица стала тускнеть, сквозь кирпич стен и булыжник мостовой проступили буквы и знаки – мозг Ферма снова заполнили формулы. Вскоре от внешнего мира не осталось и силуэтов – на экране светило лишь сызнова повторяемое вычисление.

А потом сквозь математические знаки проступила заставленная вещами комната – картины и гобелены на стенах, высокие резные шкафы по углам. В сумрачной комнате, освещенной одним узким окном, всюду виднелись книги заваливали диван, возвышались горками на полу. Одна, огромная, в кожаном переплете, лежала на столике – на экране руки Ферма перелистывали страницы фолианта.

На пороге комнаты стояла старуха в чепце.

– Отвлекитесь от Диофанта, господин Ферма, – говорила старуха. Удалось вам достать хоть немного денег? У меня не на что покупать провизию, господин Ферма. Вы меня слышите?

– Слышу, слышу, дорогая Элоиза, – донесся с экрана то-ропливый голос Ферма. – Я слышу тебя самым отличным... Что ты хочешь от меня?

– Я хочу вас накормить, а на это нужны деньги.

– К несчастью, Элоиза, поход был неудачен. Президент пригрозил, что не будет платить еще три месяца.

– Боже, что вы говорите! Еще три месяца без жалованья!

– Пустяки, Элоиза! Всего девяносто один день. Продай что-нибудь, и мы отлично проведем эти три месяца.

– А что продать? Самое ценное у вас – книги, но вы не разрешаете даже пыль с них стирать.

– И не разрешу, Элоиза! Книги святых икон.

– Не кощунствуйте! Может, продать шкаф?

– Правильно! На что нам так много шкафов?

– А куда вы будете класть свои книги? Я лучше предложу старьевщику господину Пежо наши гобелены.

– Ты умница, Элоиза! Гобелены давно мне надоели. Сейчас я их сниму со стен.

– Постойте, господин Ферма! Я вспомнила, что они закрывают места, где отлетела штукатурка. Лучше шкафы!

– Вот видишь, я первый сказал о шкафах. Зови Пежо, а пока, пожалуйста, оставь меня. У меня важное вычисление.

– У вас всегда важные вычисления. Я должна сказать еще кое-что.

– Говори, только поскорее.

– Вчера у Мари был день ангела. Вы забыли об этом?

– Что? Я забыл о дне ангела своей дорогой невесты? Как у тебя язык повернулся сказать такое! Неразумная Элоиза! Да я вчера только о Мари и думал! Весь день думал о ней.

– И не пошли ее поздравить! Вас пригласили к ней, но вы не явились.

– Ах, черт! Правильно, не пошел... Потому что именно вчера мне явилась великолепная идея, и я немедленно сел ее

разрабатывать. Поздравь меня, Элоиза, я добился необыкновенного успеха!

– Все ваши успехи в арифметике не помогут мне сварить даже постного супа. И они не восстановят потерянных надежд на устройство семьи!

– Что ты каркаешь? Какие потерянные надежды?

– Я так хотела вашего счастья, я так любила Мари!..

– Элоиза, твои слезы разрывают мне сердце! Вытри глаза!

Ты сказала что-то странное о Мари, я не понял.

– Она недавно приходила, ваша Мари. И она сказала, что по настоянию родителей и по решению своего сердца освобождает вас от вашего обещания... Она раздумала связывать свою жизнь с вашей... Что с вами, господин Ферма?

– Ты что-то спросила, Элоиза? Нет, я...

– Что вы собираетесь делать?

– А что я могу?.. Если вдуматься... Правда, я люблю ее...

Но еще не было на свете женщин, которые довольствовались бы одной любовью!

– Много вы знаете о женщинах! Вы свою арифметику знаете, а не женщин. Слушайте меня, господин Ферма. Мари от нас ушла к вечерне. Вечерня кончается через час. Идите к собору, объяснитесь с ней. Дайте обещание зажить по-иному. Она любит вас, поверьте старухе!

– Это, пожалуй... Пообещать с завтрашнего дня зажить по-другому!.. Элоиза, ты возвращаешь меня к жизни! Так ты говоришь, вечерня кончается через час?

– Ровно через час, не опоздайте! А я пойду упрашивать господина Пежо раскошелиться на один из ваших шкафов.

Вещи пришли в движение, они перемещались – хозяин комнаты метался из угла в угол. Постепенно вещи стали замирать, а на экране, пока еще туманные, проступали математические знаки.

Теперь весь экран занимала книга, тот фолиант, что лежал на столе. Ферма перелистывал пергаментные страницы, потом схватил перо и пододвинул бумагу. Знаки и числа теснились друг к другу. Ферма заносил на бумагу вычисление, неотступно стоявшее в его мозгу. Только раз он отвлекся и, посмотрев на стенные часы, сказал:

– Я что-то должен был сделать? Ладно, придет Элоиза...

А затем, доведя вычисление до конца, он снова обратился к фолианту и торопливо, брызгая чернилами, стал писать на его полях. Это было уже не вычисление, а излияние. Ферма перекликался с великим математиком древности, умершим за полторы тысячи лет до него. Ферма сообщал ему и миру о событиях сегодняшнего дня.

«Я нашел поистине удивительное доказательство этой теоремы, записывал он и читал вслух свои записи, – но поля Диофанта слишком малы, и оно не уместится на них...»

Он взял листочек с вычислением, минуту любовался им – весь экран закрыли знаки, буквы и числа – и, свернув листочек, вложил его между страницами Диофанта. На экране появилось его лицо. Ферма подошел к зеркалу. В зеркале

засияли огромные, чуть выпуклые, очень добрые глаза, они смеялись, все лицо смеялось.

– Ты счастливый человек, Пьер! – торжественно сказал Ферма. – Какой день! Нет, какой благословенный день! Я скажу тебе по чести, Пьер: вся прожитая тобой жизнь не стоит одного этого необыкновенного, этого восхитительного дня! Говорю тебе, истинно говорю тебе – нет сегодня счастливей тебя в целом мире!

Радость так и лучилась из Ферма, и потомки, через восемьсот пятьдесят лет ставшие свидетелями его торжества, радовались вместе с ним. А потом излучения мозга Ферма стали забиваться другими – на экране заплясали световые блики.

– Каково? – с торжеством сказал Генрих.

– Согласен, кое-что твоя схема дает, – признал Рой. – Но случай с Ферма пока единичен.

– Мы, очевидно, присутствовали при создании того знаменитого доказательства великой теоремы Ферма, которое впоследствии утеряли и которое, сколько помню, не сумели восстановить соединенные усилия математиков мира в течение многих столетий, – сказал Петр.

– Я наведу справку, доказана ли уже теорема Ферма! – крикнул Генрих и скрылся.

– Думаю, все записанное Ферма на том клочке бумаги будет теперь восстановлено полностью, – заметил Рой. Генрих вернулся сияющий.

– Нет! До сих пор – нет! Почти девять столетий протекло с того дня, и человечество не сумело повторить его удивительное доказательство! Естественно, что он так радовался! Но вот что интересно: работы Ферма после его смерти издал его сын Семюэль. Очевидно, Ферма все-таки женился.

– Не каждый день он доказывал по великой теореме, – возразил Рой. Нашлись свободные часы и для невесты. Важно другое: в тот знаменательный день мозг Ферма работал с такой интенсивностью, что далеко обогнал среднюю интенсивность мозга людей его поколения. Даже рассеянно оглядывая свою Тулузу и обстановку комнаты, он сохранил нам яркий рисунок домов и вещей, и лица, и голоса того президента и той старушки Эло...

На экране вспыхнула новая картина. Генрих нетерпеливо сказал:

– Рой, повремени с комментариями! Дешифраторы передали в зал, что на расстоянии в тысячу световых лет от Земли приемники уловили еще одно излучение мозга такой четкости и силы, что оно сравнительно легко поддается переводу в образы и слова. – Тысячу лет назад! – воскликнул Генрих. – Кто бы это мог быть?

– Твои восторженные крики не лучше моих комментариев, – сказал обиженный Рой.

Это была тюремная камера. На полу вповалку лежали заключенные, в квадратик окошка под потолком лился солнечный свет — сноп его не рассеивал, а лишь пронзал полумрак. Фигуры спящих людей, закутанных в рванье, были неразличимо схожи, и лишь один выделялся в сумрачной массе. Этот человек был так же скверно одет, так же скрючился на полу, чуть ли не подтягивал колени к подбородку — над спящими возносился белый парок дыхания, в углах камеры тускло поблескивала наледь, — так же тяжело дышал, сомкнув глаза, так же стонал не то во сне, не то в забытии. И только единственное выделяло его среди товарищей: он выступал в полумраке отчетливо, с такими подробностями, словно кто-то со стороны пристально рассматривал его, все остальное охватывая лишь как фон.

Кого-то неизвестного, чьи мозговые излучения были расшифрованы через тысячу лет, интересовал только один из всех людей, лежащих на полу тюремной камеры, и он всматривался в этого заключенного со скорбью и жалостью.

Человек на полу лежал в стороне от проникшего в камеру солнечного луча, но голова его была освещена так ярко, словно свет падал на нее одну. Достаточно было взгляда на эту странную голову, чтобы выделить ее среди других и запомнить: круглый череп, лишенный волос, круглое безбро-

вое лицо, очень острый тонкий нос, тонкие губы насмешника, остроконечный подбородок человека безвольного, гигантский лоб мыслителя над маленькими глазами, впалые щеки туберкулезника, окрашенные на скулах кирпичным румянцем. Человек, не открывая глаз и жалко морщась, кашлял и прижимал руку к груди – в груди болело. Так же, по-прежнему не открывая глаз, он внятно – и грустно и насмешливо – проговорил стихами («перевод с французского на современный международный», – доложили дешифраторы):

*А я уже полумертвец,
Покрит холодным смертным потом
И чую: близок мой конец,
И душит липкая мокрота...*

– Послушайте, это он себя рассматривает! – зашептал Генрих. – Он словно бы рассматривает себя со стороны!

– Стихи Франсуа Вийона, – добавил Рой. – Был такой французский поэт, и жил он как раз тысячу лет назад.

На громко произнесенные стихи поднял голову один из лежавших на полу. И сейчас же картина переменялась. Камера сохранилась, но тот, кто читал стихи, пропал, лишь голос его слышался ясно, и все стало таким, как будто происходившее в камере рассматривалось теперь его глазами.

Человек, поднявший голову, был одноглаз и свиреп на вид.

– Плохо тебе, Франсуа? – прохрипел он. – Ну и слабенькое

у тебя здоровье!

– Побыл бы ты с полгода в Менских подвалах проклятого епископа д’Оссины Тибо, посмотрел бы я на твое здоровье, Жак! – проворчал человек, читавший стихи. – Вот уж кому не прощу! – Он снова – и неожиданно весело заговорил стихами:

*...церковь нам твердит,
Чтоб мы врагов своих прощали...
Что ж делать! Бог его простит!
Да только я прощу едва ли.*

Их разговор заставил приподняться еще нескольких заключенных. Почесываясь и зевая, они приваливались один к другому плечами, чтоб сохранить тепло.

– Черта ему в твоём прощении! – продолжал одноглазый Жак. – д’Оссины живет в райском дворце, его моления прямехонько доставляются ангелами в руки всевышнему. А тебе доля – светить лысой башкой в камере. Отсюда не то что скромного моления – вопля на улице не услышишь.

– Все же я буду молить и проклинать, друг мой громила Жак! – возразил Франсуа. – И если я как следует, с хорошими рифмами, со слезой, не помолюсь за нас за всех, вам же хуже будет, отверженные! Или вы надеетесь, что за вас помолятся кюре и епископы? Святая братия занята жратвой и питьем, им не до вас! Теперь послушайте, как у меня получается моление.

Изменив голос на пронзительно-скорбный, Франсуа не то пропел, не то продекламировал:

*О господи, открой нам двери рая!
Мы жили на земле, в аду сгорая.*

В разговор вступил третий заключенный. Этот лежал в углу, где поблескивал на стене лед, – и даже голос его казался промерзшим:

– Зачем тебе молиться, Франсуа? Ровно через двое суток тебя благополучно вздернут на виселице, и ты, освобожденный от земных тягот, взмоешь на небеса. Побереги пыл для личного объяснения с господом, а в разговоре со всевышним походатайствуй и за нас. Если, конечно, тебя с виселицы не доставят в лапы Вельзевулу, что вероятней.

На это Вийон насмешливо откликнулся другими стихами:

*Я – Франсуа, чему не рад.
Увы, ждет смерть злодея,
И сколько весит этот зад,
Узнает скоро шея.*

Камера ответила хохотом.

Теперь проснулись все, и все смеялись. Заключенные глядели с экрана в зал на невидимого Франсуа и гоготали – очевидно, он скорчил очень уж умильную рожу. Лязгнули запоры, и на шум вошел сторож – высокий, как фонарный столб,

и такой же худой. В довершение сходства удлинённая голова напоминала фонарь. На багровом, словно подождённом лице тюремщика топорщились седые усы в локоть длиной. Он с минуту укоризненно разглядывал Вийона.

— Опять шутовские куплетики? — проговорил он неодобрительно. — Разве вас заботливо засадили в лучшую тюрьму Парижа, чтобы вы хохотали? Ах, Франсуа, послезавтра тебе отдавать богу душу, а ты своим нечестивым весельем отвлекаешь добрых людей от благочестивых мыслей о предстоящей им горькой участи!

С экрана раздался дерзкий голос невидимого Франсуа:

*Я не могу писать без шуток,
Иначе впору помереть.*

— Именно впору, — подтвердил сторож. — Говорю тебе, послезавтра. По-христиански мне жаль тебя, ибо в аду за тебя возьмутся по-настоящему. Но по-человечески я рад, ибо с твоим уходом тюрьма снова станет хорошей тюрьмой — из того легкомысленного заведения, в которое ты ее превращаешь.

— Послушай, Этьен Гарнье, я согласен, что веду себя в тюрьме не слишком серьезно, — возразил Вийон. — Но ведь вы можете избавиться от меня, не прибегая к виселице. Я не буду возражать, если ты вытолкнешь меня на волю невежливым пинком в зад.

– На волю! – Сторож захохотал. – Из того, что ты мало подходишь для тюрьмы, еще не следует, что тебе будет хорошо на воле. Франсуа, ты должен вскрикивать от ужаса при мысли о воле. Воля на тебя действует плохо, мой мальчик.

– И ты берешься доказать это?

– Разумеется. Я не бакалавр искусств, как ты, но что мое, то мое. И общение с вашим братом, отпетыми, научило меня красноречию. Думаю, мне легко удастся переубедить тебя в трех твоих заблуждениях: в любви к воле, в ненависти к тюрьме и в противоестественном отвращении к виселице.

– Что же, начнем наш диспут, любезный магистр несвободных искусств заточения Этьен Гарнье.

– Начнем, Франсуа. Мой первый тезис таков... Впрочем, надо раньше выбрать судью, чтобы все было как в Сорбонне!

– Ты считаешь, что тюрьма подобна Сорбонне?

– Она выше, Франсуа. В Сорбонне ты был школяром, сюда явился бакалавром! Школяров мы держим мало, зато магистры и доктора встречаются нередко. И мы кормим своих обитателей, кормим, Франсуа, кормим, а кто вас кормит в Сорбонне?.. Как же будет насчет судьи?

Камера, сгрудившаяся вокруг Гарнье и Франсуа, дружно загомонила:

– Жака Одноглазого! Жака в судьи!

– Пусть будет Жак! – согласился сторож, и Одноглазый выдвинулся вперед. – Итак, мой первый тезис: воля плохо действует на тебя, Франсуа. Она убивает тебя, друг мой. Те-

бе тридцать два года, а ты похож на старика. Ты лыс, у тебя выпали зубы, руки дрожат, ноги подгибаются. Ты кашляешь кровью – это от излишества воли, Франсуа Вийон! Тебя сгубили вино и женщины. Я бы добавил к этому и рифмы, но рифмами ты балуешься и в тюрьме. Чего ты добился, проведя столько лет на воле? Ты имеешь меньше, чем имел в момент, когда явился в этот мир, ибо растерял здоровье и добрые начала, заложенные в тебя девятимесячным трудом твоей матери. У тебя нет ни жилья, ни одежды, ни денег, ни еды, ни службы. Что ждет тебя, если ты вырвешься на волю? Голод, одиночество и верная смерть через месяц или даже раньше мучительная смерть где-нибудь под забором или на лежанке какой-нибудь подружки, приютившей тебя из жалости. Я слушаю тебя, Франсуа.

– Гарнье, жестокий, бестолковый Гарнье, ты даже не подзреваешь, как прав! Все же я опровергну тебя. Да, конечно, я пострадал от излишеств воли, но я знал вволю излишеств! Не всегда, но часто, очень часто я бывал до усталости сыт. Меня любили женщины, Гарнье, тебе этого не понять, тебя никто не любил, ты сам себя не любишь! А друзья? Где еще есть такие верные друзья, как на воле? Кулак за кулак, нож за нож! И я согласен, что, выйдя на волю, через две недели умру. Но что это будут за две недели, Гарнье! Я напьюсь вдосталь вина, нажрусь жирных яств, набегаюсь по кривушкам Парижа, наплююсь у щедрых на ласку потаскух, пожарюсь у пылающих каминов и позабуду холод твоей камеры – вот что

будет со мной в отпущенные на жизнь две недели! Таков мой ответ тебе, Гарнье. А скорой смерти, так щедро обещанной тобою, я не боюсь, нет!..

...судьба одна!

Я видел всё – всё в мире бrenно,

И смерть мне больше не страшна!

– Ты губишь не одно тело, но и душу, Франсуа. Воля иссушает твою заблудшую душу, мой мальчик. А душа важнее тела, поверь мне, я много раз видел, как легко распадается тело. Сохрани свою бедную душу для длинной жизни, Франсуа!

– На это у меня есть готовый ответ:

Легко расстанусь я с душой,

Из глины сделан, стану глиной;

Кто сыт по горло нищетой,

Тот не стремится к жизни длинной!

– Что ж, и тезис убедителен, и возражение неплохо! – объявил Жак Одноглазый. – Будем считать, что ни один не взял верх.

– Слушай теперь мой второй тезис, Франсуа. Ты должен любить, а не ненавидеть тюрьму. Ни дома, ни в монастыре, ни в церкви ты не встретишь такого воистину христианского обращения, как в тюрьме. Здесь тебя по заслугам ценят

и опекают, Франсуа. Тебе предоставили место для сна, а всегда ли ты имел такое место на воле? Тебя регулярно кормят – не жирными каплунами, конечно, но знал ли ты каплунов на воле? За тобой следят, заботятся о твоём здоровье, дают волю спать. А если ты позовешь на помощь, разве немедленно не появлюсь я? Разве наш добрый хирург мосье Бракке не пустит тебе кровь, если ты станешь задыхаться? Тюрьма единственное место в мире, где не примирятся с твоей болезнью, не допустят твоей преждевременной смерти. Господин судья сказал мне: «Гарнье, Вийон должен своими ногами взойти на эшафот». И можешь поверить, дорогой Франсуа, я недосплю ночей, но не допущу, чтобы болезнь осилила тебя. Такова тюрьма.

– На это я отвечу тебе: прелести воли не потускнели в моих глазах от того, что ты красноречиво расписал удобства тюрьмы.

– Тезис силен, а возражение неубедительно! – объявил Жак Одноглазый. – По второму пункту победил Гарнье.

– Тезис третий: ты должен стремиться на виселицу, а не уваливать от нее, – возгласил торжествующий Гарнье. – Нет большего счастья для тебя, чем добропорядочная виселица. Для тебя, Франсуа, виселица не кара, а избавление. Избавление от недуга, что гнетет тебя, от мук неизбежного умирания, от боли в костях и легких, от голода и холода, от неизбежных долгов, от нищеты, от коварных друзей, от всех напастей, от всего горя, что переполняет твоё сердце. Виселица

для тебя выход в истинную свободу из юдоли скорби и слез. Один шаг, всего полувздох – и ты в царстве вечного облегчения и радости. А если по заслугам твоим ты угодишь не в рай, а кое-куда пониже, то горших мук, чем твои земные, и там не узнаешь. Разве ты не орал полчаса назад в этой камере как оглашенный: «Мы жили на земле, в аду сгорая». И подумай еще о том, Франсуа, что в тех подземельях под раем тебе уже никогда не придется жаловаться на недостаток тепла, а здесь ты трясешься даже в солнечные дни. Говорю тебе, спеши на виселицу, спеши на виселицу, Франсуа!

– Перестань, проклятый Гарнье! Чума, чума на твое злое сердце! Не хочу умирать, слышишь, не хочу умирать, Гарнье! Боже мой, жить, только жить! Любая жизнь – в тысячу раз хуже этой, но жизнь, жизнь, жизнь!

– Еще минуту назад ты хвастался: смерть мне не страшна!

– Замолчи, Франсуа! – сказал Жак Одноглазый. – Не узнаю тебя. С чего ты разорался? Слушайте мое решение о споре. Восхваление виселицы меня не убедило. Истинный христианин не должен стремиться на виселицу. По этому пункту победа за Франсуа Вийоном, хоть он не удосужился подыскать дельные возражения. А в целом диспут окончен безрезультатно.

– Ты необъективен, Жак Одноглазый! – возразил уязвленный сторож. – В тебе заговорили личные антипатии, и ты заставил молчать внутренний голос справедливости. В скором времени и тебе придется подставить шею объятиям волоса-

ных рук, и ты заранее ненавидишь виселицу. Так порядочные люди не поступают, поверь мне, Жак, я опекал в моих камерах многих порядочных людей.

– Выбирай выражения поосторожней, Гарнье! – зарычал Жак. – Меня обвиняли в разбое, грабежах, насилиях и убийствах, и я не опровергал обвинений. Но в непорядочности никто не смел меня упрекнуть, и я никому не позволю...

– Успокойся, Жак! – дружелюбно сказал Гарнье. – Никто больше меня не ценит твоих достоинств. Я знаю, что ты с честью носишь прозвище «Громила». Но выше всего для меня объективность и справедливость; эта неразлучная парочка понятий – мои фамильные святыне, если хочешь знать. Сейчас я покажу вам, что такое настоящая объективность, друзья. Франсуа! – обратился он к Вийону. – Ты просил передать свой письменный протест на приговор парижского суда. Лично я считаю, как уже доказывал тебе, что виселица лучший для тебя исход. Но, скрепив свое сердце, я доставил твоё обжалование по назначению. Жди скорого решения.

– Спасибо, Гарнье! – воскликнул обрадованный Франсуа. – За это я отблагодарю тебя по-королевски: я напишу балладу в твою честь, чтоб обессмертить твоё имя!

– Лучше бы ты орал свои стихи не так громко, – проворчал сторож, открывая дверь. – Столько хлопот с тобой, Франсуа! В парижской тюрьме нет чиновника серьезнее меня, но и меня своими непотребными куплетами ты порою заставляешь хохотать, вот до чего ты меня доводишь, Франсуа!

Дверь захлопнулась, снаружи залязгали затворы. Солнечный сноп снова превратился в луч, луч тускнел. Один из заключенных с тоской смотрел в окошко. За окном густели тучи.

– Кажется, снег пойдет! – сказал он. – Только снега нам не хватало!

– Когда валит снег, морозы спадают, – возразил Жак. Он подошел к Вийону, положил ему руку на плечо. Половину экрана заняло его лицо, единственный глаз Жака смотрел зорко и сочувственно. – О чем задумался, Франсуа? Лучше прочти что-нибудь из Большого Завещания, что ты недавно написал.

– Прочти! Прочти, Франсуа! – раздались крики. – Что-нибудь позабористей, Франсуа!

– Я прочту балладу о дамах минувших времен, хорошо?

– Давай о минувших дамах, – согласился Жак. – Минувшие дамы – тоже неплохо.

Теперь снова был слышен один голос Вийона. Камера превратилась в нечто неопределенное и серое – Вийон, читая, закрывал глаза:

*Где Элоиза, та, чьи дни
Прославил павший на колени
Пьер Абеляр из Сен-Дени?
Где Бланш, чей голос так сродни
Малиновке в кустах сирени?
Где Жанна, дева из Лорени,*

В огне окончившая век?..

Мария! Где все эти тени?

Увы! Где прошлогодний снег?

– Изрядно! – сказал Жак. – Просто слеза прошибает, так жалко погибших дам. Но я просил стихов повеселее. Помнишь, ты издевался над офицерами полицейской стражи, ну, и о прекрасной оружейнице или о толстухе Марго. Что-нибудь поострее, Франсуа!..

– Тогда я прочитаю вам стихи, написанные во время поэтического состязания в Блуа при дворе герцога Карла Орлеанского. Он сам задал нам тему – доказывать недоказуемое, сам вместе с другими поэтами писал баллады, но я его переплюнул, и, кажется, ему это не понравилось.

От жажды умираю над ручьем.

Смеюсь сквозь слезы и тружусь, играя.

Куда бы ни пошел, везде мой дом,

Чужбина мне – страна моя родная.

Я знаю все, я ничего не знаю.

Мне из людей всего понятней тот,

Кто лебедицу вороном зовет.

Я сомневаюсь в явном, верю чуду.

Нагой, как червь, пышнее всех господ.

Я всеми принят, изгнан отовсюду.

Голос Вийона сделал остановку. Камера ответила на остановку хохотом и восклицаниями:

– Вот это да! Ах же дает, стервец! Всеми принят, изгнан отовсюду слышал, Жак? Нет, ты послушай – лебедицу ворон-ном!.. И над ручьем, над ручьем – от жажды, ха-ха-ха! Франсуа, нет, для тебя и виселицы слишком уж мало! Говорю вам, он может, братцы, он может!

Когда шум стал затихать, Франсуа продолжал:

*Я скуп и расточителен во всем.
Я жду и ничего не ожидаю.
Я нищ, и я кичусь своим добром.
Трещит мороз – я вижу розы мая.
Долина слез мне радостнее рая.
Зажгут костер – и дрожь меня берет,
Мне сердце отогреет только лед.
Запомню шутку я и вдруг забуду,
И для меня презрение – почет.
Я всеми принят, изгнан отовсюду...*

Внезапно чтение прервалось, послышалось рыдание. Экран заполнило растерянное, безобразное лицо Жака Одноголазого.

– Франсуа, что с тобой? Проклятый Гарнье, это он тебя расстроил! Да успокойся же, успокойся!

– Никто не понимает, никто! – лепетал голос Вийона. – Я так несчастен, Жак! И вы тоже, даже вы!..

– Перестань плакать! Кто тебя не понимает? О чем ты говоришь, Франсуа? Ты говоришь о виселице, к которой те-

бя...

– Я говорю об этих стихах, что я в Блуа... Это ведь правда, Жак, здесь каждое слово правда! Я плакал, когда писал их, ибо ничего более искреннего о себе... А все смеются, всем кажется, что я остро. Вы хохотали, будьте вы прокляты все!

Жак хотел что-то сказать, но его оборвал грохот дверных запоров. В камеру вошел Гарнье.

– Франсуа, – сказал он, – парижский суд помиловал тебя, лысый мальчик. Суд заменяет тебе виселицу десятилетним изгнанием из Парижа. Можешь уходить на волю. Но помни, что в душе я дружески скорблю о тебе, ибо выпускаю тебя не на радость, а в лапы мучительного умирания. Ты еще скажешь мне, Франсуа, я верю в твою честность, хоть ты пишешь неприличные стихи, которые не переживут тебя, ты еще воззовешь ко мне в сердце своем: «Друг мой Гарнье, ты прав, виселица была бы мне лучше жизни!..»

4

Камера потускнела, страстные импульсы мозга Вийона, уже тысячу лет, постепенно ослабевая, мчавшиеся в галактическом пространстве, забивались шумами других излучений. На минуту показался древний Париж – темный переулок, кривые дома, смыкавшиеся верхними этажами, золотарь с переполненной бочкой, распахнувший пасть в половину экрана: «Ах, Франсуа, ты ли это! Иди сюда, крошка,

я тебя поцелую!» Еще на минуту запылали дрова в камине, пламя выхлестывалось наружу, оно то отдалялось, то близилось Вийон, озябший, лез к огню и, обжигаемый, отскакивал. Затем и эти видения пропали. На экране больше не возникало никаких картин. Рой выключил аппараты.

– Неужели мы не разрешим загадку его смерти? – сказал огорченный Генрих. – Сколько помню, гибель Вийона окутывает тайна.

– Давайте подведем итоги, – предложил Рой, игнорируя сетования брата. – Мне кажется, можно подискутировать и о результатах, и о новых задачах.

О чем говорили работники института, Петр слушал с пятого на десятое. Его томило удивительное ощущение, он хотел разобраться в нем и уже собирался уходить, когда Рой спросил:

– Разве тебя не интересуют наши предположения?

Петр заставил себя слушать внимательнее. Сотрудники института одобряли идею Генриха – искать излучения большой интенсивности, чтобы с их расшифровки начать знакомство с летописью давно умерших людей. Но этого мало. Надо усовершенствовать аппарат, чтобы читать любую волну, излученную любым человеческим мозгом. Выяснить и записать события жизни, мысли и чувства всех людей, живших когда-либо на Земле. Нет человека, от неандертальца до современника, чья жизнь не заслуживала бы изучения. То, что в прежние времена называлось наукой историей, по-

ка лишь каталог действий и дат отдельных выдающихся людей: сильных интеллектом ученых, инженеров, мастеров искусств и важных должностью полководцев и монархов. Их институт ныне покончит с таким унижительным обращением с людьми, простые станут равны великим. За время существования человечества на Земле жило около двухсот миллиардов человек. Составить двести миллиардов биографий, разработать новую науку о человеческой истории – такова задача.

Петр вслушивался в споры и предложения, честно старался во всем разобраться, но мысль его, прихотливая и яркая, уходила в сторону... Он снова видел крутую улицу Тулузы, холодную камеру, грязные кривушки Парижа, с ним разговаривали президенты парламентов, тюремные сторожа, беспутные бродяги и воры. И Петру хотелось, оборвав споры, отчаянно крикнуть: «Послушайте, да понимаете ли вы, что это такое! Это же иной мир, совершенно иной мир, и он отдален от нас всего одной тысячей лет!»

Да, конечно, и он, и сотрудники института, и тот же Рой, и тот же Генрих, – они все учили историю; по книгам, по лекциям, по стереокартинам в музеях им известно прошлое человечества, так неожиданно зазвучавшее сегодня с экрана. Нового нет ничего, он знал все это и раньше... Все новое, все! Он раньше воспринимал ту эпоху спокойной мыслью, не чувством. Сегодня он ощутил ее, испытал потрясенной душой, сегодня он побывал в ней – и в ужасе отшатнулся!

И Петр подумал о том, что и ему, и работникам института, и всем людям его времени, вероятно, так до конца и не понять своих предков, горевавших и насмехавшихся сегодня на экране – и все дальше от Земли уносящих отлитое крепче, чем в бронзе, волновое воплощение своего горя и смеха. Три четверти их забот, девять десятых их страданий, почти все их напасти, да что таиться, и две трети их радостей чужды современному человеку. Нет уже ни советников, ни президентов парламентов, ни тюрем, ни тюремщиков, ни воров, ни бродяг, ни чахоток, ни потаскух, ни голода и холода, ни преждевременной старости, ни насилия над творчеством. Ничто, ничто теперь не объединяет людей с мучительно прозябавшими на Земле предками, незачем пылать их отпылавшим страданиям – о них нужно эрудированно рассуждать, больше ничего не требуется.

Так молчаливо твердил себе Петр, чтоб успокоиться. Но успокоение не наступало, смятение терзало все горше. Он стал сопричастен чужому страданию и боли – и сам содрогался от боли, и сам страдал за всех незнакомых, давно отстрадавших... Генрих толкнул друга рукой:

– У тебя такое лицо, словно собираешься плакать! Ответь Рою.

Петр поднялся.

– Боюсь, ничего интересного для вас не скажу. Разрешите мне уйти, я устал.

Была ночь, и Петр один шагал по пустому бульвару. Он мог бы, конечно, вызвать авиетку, но домой не хотелось – ему вообще никуда сейчас не хотелось.

Он присел на скамью, отыскал в небе созвездие Стрельца. Отсюда, без приборов, созвездие было маленьким и тусклым. Петр закрыл глаза. К нему вдруг вернулись чувства, томившие его во время долгой экспедиции к центру Галактики.

– Пустота, – прошептал он, вспоминая пережитые и преодоленные страхи. – Боже мой, абсолютная бездна! И мы ее вытерпели!

Вытерпели? Все осталось позади, все совершалось сызнова. Он сидел с закрытыми глазами на скамейке ночного бульвара – и мчался в гигантское сгущение звезд. Светил было так много, что в страшном своем далеке они казались туманным облачком – сияющее расплывчатое пятно, чуть мерцающее сквозь космическую пыль... Нет, как они тогда говорили? В Галактике пылает звездный пожар, и пламя заволокло дым. Да, кажется, так они говорили. Они подшучивали и трудились, надо было поддерживать себя шуткой и работой кругом была бездна! Машины звездолета уничтожали впереди пространство, корабль вырвался в сверхсветовую область, оставил за собой релятивистские эффекты повсе-

дневного мира, но, изменяя метрику космоса, он не отменил безмерности мирового простора: кругом по-прежнему была бездна, и они падали, все падали, все падали в бездну, в три тысячи раз обгоняя свет, бездне не было дна!

Да, в этом была главная мука, если уж говорить о муках. Ни один человек на Земле и окружающих Солнце звездах не способен понять те ощущения. Может, лишь первые космонавты, двигавшиеся с досветовыми скоростями, пережили это. Разве сытый поймет голодного? Кругом близкие звезды, экспрессы твои уже третье столетие далеко оставляют за собою свет; дни, недели пути – и ты на месте. Пустота лишь разделяет светящиеся шары с планетами вокруг них, она не сама по себе, она легко преодолима – таков этот район Вселенной, звездная родина человечества. Здесь не заболевают болезнью бездонности, такая болезнь здесь немыслима!

А их терзал непреходящий страх перед неизмеримостью пустоты – ужас вечной, без дна, бездны. Они голодали особым голодом – томлением по вещной материи, будь то звезда или пылевая туманность, планета или рой метеоритов, – только не зловещая пропасть. «Пустота для себя и в себе» так они острили о ней. Вот каково было их состояние во время многолетнего падения в той бездне!

Нет, больше эти ощущения не появятся в звездном просторе, как бы далеко ни умчался он в новой экспедиции.

Беспредельной бездны, неизмеримого провала во Вселенной отныне не существовало. Мировая пустота была не пу-

ста.

Петр снова поднял голову к звездному небу. В космических просторах мчались волны новооткрытых излучений. Они пересекались и сталкивались в каждой точке мира, они неслись со всех направлений и во все направления. Двести миллиардов расширяющихся волновых сфер, творение и летопись жизни когда-то существовавших людей, миллиарды миллиардов волновых облаков, созданных иными разумными существами, может и не миллиарды миллиардов, а триллионы триллионов. Звезды рождаются и умирают, галактики образуются и распадаются, а в мировых просторах, сравнимые со звездами по долголетию, всюду несутся, слабея, но не уничтожаясь, волновые знаки жизни, что некогда появилась в мире. Нет, не безмерность зловещей пустоты, но радостное соприсутствие всего живого и разумного, что когда-либо существовало, – вот что суждено им отныне ощущать в межзвездных просторах!

И Петр испытал чувство еще удивительней того, в институте... Он словно посмотрел на себя со стороны и увидел: сквозь его тело мчатся – со всех направлений и во все направления – волны, порожденные давно и недавно погибшими разумными существами. Он словно стал фокусом, где переплеталась эти не открытые еще излучения. В маленьком его теле, жившем своей маленькой жизнью, бушевали миллионы иных, давно отгремевших существований.

Его пронзил озноб. Ему стало тесно от толкотни чужих

жизней, наполнявших каждую клетку тела. Засмеявшись, он мотнул головой, отбрасывая видения. И в той далекой экспедиции к центру Галактики они встречались со многим таким, что трудно было изобразить вещной картиной, но что отлично поддавалось научному анализу. Важно понимать. То новое, что открылось ему, было просто, в основе его лежали вещественные законы.

Он шел, радуясь новому пониманию. Больше его никогда не настигнет страх одиночества. Всюду с ним будет безмерная, разнообразная, вечная, как материя, жизнь.

Стрела, летящая во тьме

1

– Только вы можете распутать загадку! – Президент Академии наук перевел взгляд с Генриха на Роя. Генрих пожал плечами. Рой пристально посмотрел на губы Боячека, словно его занимало, как те двигаются.

Боячек продолжал с волнением:

– Мы все скорбим о гибели Редлиха, а я особенно: он был мне друг. Рука неведомого преступника...

– Вы все-таки считаете, что Редлих – жертва преступления? – сдержанно спросил Рой. – Но Альтона – покинутая планета, и где теперь ее бывшие жители, неизвестно. А что Редлих перед смертью назвал Аркадия Замойского, недоказательно, раз члены экспедиции обладают абсолютным алиби.

– Их алиби установили профессиональные детективы, обследовавшие Альтону, – сказал президент, – и они пришли к выводу, что преступления не было. Но Редлих погиб, и это факт. Мы считаем, что в созвездие Лиры нужно командировать ученых, а не сыщиков. После того как вы раскрыли тайну великой теоремы Ферма, загадка гибели Редлиха не будет

для вас такой уж трудной.

Генриху нравилось, когда вспоминали об этом блистательном успехе его и Роя. Но, чтобы президенту не показалось, что он тщеславен, Генрих иронически заметил:

– Два космических детектива, специализирующихся на раскрытии мрачных тайн времени и пространства.

– Два ученых, – сухо повторил Боячек. Было ясно, что он не примет отговорок. Рой, раньше Генриха уяснивший себе ситуацию, больше не спорил. – Два исследователя, свободно ориентирующиеся в проблемах космоса и истории. В этой папке вы найдете доклад следственной комиссии, возвратившейся с Альтоны. Рейсовый звездолет в созвездие Лиры отбывает завтра в полночь. Вы, кажется, еще не бывали в окрестностях Веги? Уверен, что вам понравится.

2

Генрих с досадой бросил на стол доклад следственной комиссии. Детективы Управления космоса были слишком обстоятельными людьми, чтобы читать их творения. Генрих с гримасой потрогал голову обеими руками.

– Не распухла, – успокоил его Рой. – Между прочим, я очень внимательно прочитал весь доклад – и, как видишь, все еще жив.

Они сидели в салоне грузового звездолета. На экране разбегались звезды, и созвездие Лиры постепенно заполняло

всю полусферу. Сине-белая Вега сверкала так ослепительно, что без защитных очков смотреть на нее было трудно. Альтону, седьмую планету в системе Веги, наблюдать можно было лишь в оптические умножители, но две первые, самые крупные планеты уже мерцали на экране. Звездолет в триста раз обгонял свет – на заднем экране, затемняя далекое Солнце, разбрасывалась дымка вещественной плазмы, выброшенной аннигиляторами корабля взамен уничтоженного пространства. Рой и Генрих были единственными пассажирами, и капитан предоставил в их распоряжение почти всегда пустой салон: работать здесь было удобнее, чем в тесной каюте.

– Что ты живой, я вижу. Но нормален ли ты?

– Сейчас ты сам в этом убедишься. Я не сторонник древних методов записи буквами на бумагу, но у сыска свои традиции, и с этим приходится считаться. Все существенное мы перенесем на пленку, чтобы больше не возвращаться к докладу. – И Рой стал излагать содержание доклада своими словами.

Генрих сначала слушал со скукой, потом заинтересовался. Этого у Роя нельзя было отнять – в любой запутанной проблеме он безошибочно вскрывал самое существенное. Генрих часто выходил из себя, когда брат осаживал его, кричал в запальчивости, что Рой – машина, незнакомая с вдохновением. Но когда совместное исследование подходило к концу, право опубликовать результаты Генрих предоставлял Рою, у того выходило лучше.

Генрих, слушая, рассматривал брата. Невозмутимость была главным свойством Роя. О чем бы он ни говорил, какие бы чувства ни переполняли его, лицо Роя не менялось. Белокурый, с массивной головой, крупноносый, крупногубый, он медленно, почти бесстрастно диктовал хорошо подобранными словами. И Генрих с уважением отметил, что, сокращая раз в двадцать перенасыщенный фразами следственный доклад, Рой не упустил ничего важного.

— Будем пользоваться этим конспектом. — Рой пододвинул Генриху диктофон. — А доклад останется для справок.

Генрих прокрутил пленку. Прибор говорил голосом Роя, но вплетал свои интонации. Бесстрастность, свойственная Рою, превратилась в безличность. В таком изложении, отжато от подробностей, трагедия на Альтоне становилась ясной. Ясной во всей своей загадочности, невесело подумал Генрих. Задание им досталось необычное.

Альтону, седьмую планету Веги, некогда населяли разумные существа, говорил прибор. Какого облика были альтонцы, каков уровень их культуры, куда они делись — тайна. Когда экспедиция Карпентера и Сидорова высадилась на планете, она обнаружила пустыни, остатки городов и непонятные металлические сооружения. Жители покинули планету по крайней мере миллион земных лет назад, и она теперь была совершенно безжизненной в земном смысле — ни животных, ни растений, ни бактерий... Карпентер предположил, что разумная цивилизация на Альтоне была не биоло-

гической, а какой-то иной природы. Он указывал, что в руинах городов, к тому же мало похожих на человеческие, не обнаружено ни плантаций, ни заводов, изготавливающих пищу, ни хозяйственной утвари. «Альтонцы не знали, что такое еда» – таков был вывод Карпендера. От них не осталось также ни библиотек, ни фильмотек, ни картин, ни статуй, ни иных свидетельств духовной деятельности. Вместе с тем загадочные металлические сооружения, прекрасно сохранившиеся на лишенной атмосферы планете, равно и развалины городов, свидетельствуют о разумности исчезнувших обитателей. Заместитель Карпендера Василий Сидоров не согласился с его выводами. Спор их доныне не разрешен.

Сейчас на Альтоне работает вторая экспедиция, возглавляемая тем же Василием Сидоровым. В составе ее – научные работники Анна Паркер, Аркадий Замойский, Анри Шарлюс, Фред Редлих. Год назад по земному счету Редлих вышел наружу, одетый для дальней прогулки. Связь с ним поддерживалась по радио. Приборы дистанционно записывали его жизненные параметры – дыхание, температуру, запасы биоэнергии, потенциалы мозга и сердца. Минут через двадцать все графики испытали неожиданный излом. Одновременно Редлих закричал в микрофон: «Аркадий, что ты?» Крик завершился воплем: «Меня убивает Замойский! Меня убивает...»

Все остальные члены экспедиции, включая и Замойского, находились в это время в операционном зале. Сидоров от-

дал приказ выходить наружу. Впереди бежали Замойский и Паркер. Редлих лежал километрах в двух от станции. Он был уже мертв – скафандр пробит чем-то острым... Возле трупы никого не было, в окрестностях не обнаружили ничьих следов, что и естественно, ибо планета необитаема, а все члены экспедиции, кроме самого Редлиха, находились на станции.

Следственная комиссия считала, что повреждения скафандра, вызвавшие гибель Редлиха, могли произойти от случайного удара о скалу или от метеорита, а предсмертный крик ученого порожден бредовым видением гаснущего мозга. Метеоритное вещество в районе гибели найдено, но давнее. Острых скал, падение на которые могло бы вызвать такое катастрофическое повреждение прочной ткани скафандра, комиссии обнаружить не удалось, а бесспорное алиби всех членов экспедиции доказывает отсутствие преступления.

– Заключение честное, – заметил Генрих, когда прибор умолк. – Искали, не нашли – и успокоились на том. Даже на след не напали, как говорили в старину.

На экране тускло засветились малые планеты Веги – самой слабой была точка, изображавшая Альтону. Когда Рой задумывался, его глаза теряли свою яркую голубизну. Сейчас они были водянисто-тусклыми. Рой медленно заговорил:

– Детективы Управления космоса исследовали происшествие по нормам земного бытия. И в этом их ошибка. Земные нормы поведения могут оказаться неприменимыми в

условиях иных планет и иных цивилизаций. Они искали наиболее вероятное земное объяснение катастрофы, а событие совершилось на Альтоне.

– Ты предлагаешь, насколько я тебя понимаю, поискать самое невероятное объяснение?

– Раз вероятное бессильно, поищем невероятное, другого не остается.

– Самое невероятное – Редлих не погибал, на Землю привезли вовсе не его труп.

Рой игнорировал насмешку. Размышляя, он не возбуждался, как Генрих, а становился сдержанным.

– Самое невероятное в том, что Редлих прав и его убил Аркадий, который в момент убийства находился совсем в другом месте, в окружении своих товарищей. Вот эту гипотезу я и предлагаю в качестве отправной версии. Теперь слушаю возражения.

– А против чего возражать? Нормальное раздвоение личности! Одна ипостась Замойского мирно трудится у пульта, другая разбойничает на каменистых плоскогорьях Альтоны. – Генрих засмеялся. – Рой, в этой мысли что-то есть! Если принять твою версию, нам остается только дознаться, как физически возможно подобное раздвоение личности. Это значительно сужает круг поисков.

– Скорее значительно его расширяет, – задумчиво отозвался Рой.

– Нет, – сказал Сидоров, – причин, объясняющих гибель Фреда, мы не открыли. Смерть его по-прежнему загадочна.

– Я говорю о метеоритах, выбросе газа из кислородного баллона... уточнил Рой.

– И о многом прочем той же природы, – сухо закончил начальник экспедиции. – Повторяю – нет! Опасных факторов на Альтоне не существует. А если бы они и появились, их немедленно бы зафиксировали наши автоматы.

Аркадий Замойский, энергетик станции, пояснил:

– Аппараты записывают даже космическую пыль. И крохотный метеорит не остался бы необнаруженным.

Сидоров, сухонький старичок с выцветшими глазами под густыми жесткими бровями, держался агрессивно – отвечал резко, подавал язвительные реплики: появление новой следственной комиссии для него было равнозначно оскорблению – он не верил, что люди с Земли сумеют разгадать то, чего не разгадал он с помощниками. Замойский, красивый парень с умным лицом, нервными тонкими руками, беспокойно вглядывался то в Роя, то в Генриха, голос его поминутно менялся: из спокойного становился напряженным, временами в нем слышалось смущение. Анри Шарлюс, астроном и физик, толстый, громко сопящий мужчина, не стесняясь показывал, что ему до смерти надоели выпрашивания: он

чуть ли не зевал, отвечая. А всех настороженной была Анна Паркер, историк. Некрасивая, она сразу чем-то поражала. «В такую можно влюбиться», – подумал Генрих, с интересом наблюдая, как она то вспыхивает, то бледнеет. С трудом сдерживаемой порывистостью она напоминала Альбину, его невесту, погибшую пять лет назад. Рой хмуро возразил Замоискому:

– Смерть без причин не бывает. Если внешние случайности отпадают, остается одно: Редлих не лгал и убийца вы, Аркадий.

Замоиский развел руками. Он все же не сдержал дрожи в голосе:

– Логично. Но тогда объясните: как я мог убить Фреда, если я находился здесь, а он – в двух километрах от меня?

– То есть одна загадка разъясняется путем создания второй загадки, не менее таинственной. – Сидоров раздраженно пожал плечами. – Между собой мы обсуждали и эту гипотезу: Аркадий – убийца. Он сам попросил, чтобы мы проанализировали ее.

– К какому же выводу вы пришли?

– К такому же, к какому вскоре придете и вы: чепуха! Между прочим, за месяц до гибели Фред спас Аркадия. Спасителей не убивают.

– Все же я ставлю гипотезу на обсуждение, – сказал Рой. – И прошу отнестись к ней не как к оскорблению, а как к исходному пункту, вероятность которого надо оценить. Подой-

дем к проблеме смерти Редлиха как к научной, а не криминалистической загадке.

Шарлюс опять зевнул и с тоской посмотрел на стену. Беседа происходила в салоне с обзорным экраном, заставленном приборами.

– Через час мой выход на планету, прошу первым допросить меня...

– Допросов больше не будет. Будем совместно рассуждать. И начнем с того, что в каждом преступлении необходимо различать мотивы и способ осуществления. Убийство в какой-то мере обоснованно, если убийца недолюбливал убитого – убивают все-таки врагов, а не друзей.

– Убивали, – быстро поправила Анна. – Этот древний способ сведения счетов...

– Мы расследуем возможность рецидива древнего явления и будем описывать его в древних терминах. Итак, вы враждовали с Фредом, Аркадий?

– Я не испытывал к нему приязни... Во всяком случае, пока он, рискуя собой, не выручил меня из беды.

– Вы с ним ссорились?

– Вообще – нет.

– Что значит «вообще»? А в частности?

– В частности – один раз поссорились.

– Расскажите подробней.

– Мне бы не хотелось вдаваться в подробности.

– Для анализа происшествия это важно.

– Это сугубо личное дело. И оно касается уже третьего человека...

– Третий человек – я! – вмешалась в допрос Анна. – И что неудобно говорить Аркадию, я могу рассказать спокойно. Фреду вздумалось поухаживать за мной. Я предупредила, что допущу лишь товарищеские отношения. Но Фред был настойчив, чтобы не сказать сильнее...

– Нахален?

– Да. Как-то вечером он особенно бесцеремонно... мы были с ним одни в этом салоне...

– Вам трудно рассказывать?

– Нет, почему же? Я расскажу. Я позвала на помощь Аркадия. Аркадий вбежал и накричал на Фреда. Аркадий в гневе часто говорит лишнее... А Фред слушал и усмехался. Меня всегда бесила его усмешка – он усмехался так, словно давал пощечину... Потом Фред сказал: «Рыцарь приходит на помощь своей возлюбленной. Это естественно. Но у рыцаря должны быть два качества...» Впрочем, неважно, что он сказал дальше. Я объясняла – Фред порой бывал бесцеремонен.

– Анна не хочет меня обижать, – сказал Аркадий. Он побледнел, но говорил спокойно. – «Два качества эти, – сказал Фред, – бесстрашие и физическая сила». После этого он вытолкнул меня из салона и предупредил, что, если я войду, измочалит меня. Он так и выразился: «измочалю»... Надо вам сказать, Фред был очень силен, а в гневе – необуздан. Я постоял у салона, Анна больше не звала... А вскоре вышел

Фред и бросил: «Подслушиваешь? Вполне рыцарское занятие!»

– Больше у вас с Фредом недоразумений не было? – после короткого молчания спросил Рой у Анны.

– Встречались мы ежедневно. Он держался так, словно ничего и не произошло.

Рой обернулся к Аркадию:

– Что вы делали после ссоры?

– Возвратился к себе на энергостанцию, где шла проверка генераторов.

– Вы стали работать?

– Я не мог работать. Я задал генераторам программу малой мощности и размышлял о Фреде. На другой день внешне было все как обычно. На людях мы разговаривали, даже шутили.

– Больше ссор не было?

– Нет.

– Он не извинился перед вами за грубость?

– Нет, конечно.

– И вы не просили прощения за резкие слова в салоне?

– Разумеется, нет.

– Расскажите, как Фред выручил вас?

– Мы вышли вместе наружу. Я свалился в глубокую расщелину, а сверху на меня обрушилась глыба. Фред сбежал вниз и среди скал, которые могли свалиться на него, схватил меня и потащил наверх. Когда я очнулся, он лежал рядом и

еле дышал от усталости. Один из больших камней ударил его по плечу, потом он недели две ходил с повязкой.

Рой закончил расспросы. Сидоров предложил гостям осмотреть планету и знакомство с ней начать с общего обзора на экране. Шарлюс удалился, за Шарлюсом ушли Анна и Аркадий. В салоне погас свет и озарился обзорный экран.

4

Сперва были одни звезды, среди них далекое Солнце – крохотная звездочка, едва воспринимаемая взглядом. Вега закатилась. В темноте неясным пятном обрисовывалась Альтона, безжизненный каменный шар в космосе... Экран постепенно светлел, Альтона расширялась за пределы экрана. Сидоров сказал, что стереоизображения планеты получены со спутников, запущенных над ней.

– Большинство из них – двигающиеся. Но над некоторыми местами мы повесили неподвижные датчики. Цель – зафиксировать изменения, если они появятся в объекте. Сейчас я покажу ближайший из городов планеты. Все они, в общем-то, одинаковы.

Груды мрачных камней, появившиеся на экране, сохранили лишь некое подобие формы – полустертые параллелепипеды, полуразрушенные пирамиды, что-то отдаленно напоминающее шары...

Атмосферы на планете не было, предметы сохраняли пер-

возданную угловатость, вечную свежесть изломов. Обширное нагромождение руин могло свидетельствовать о совершившейся некогда неведомой катастрофе или о непонятных коррозионных процессах. Рой поинтересовался, не потому ли Сидоров считает городами эти глыбы, что угадывает их прежнюю правильную геометрическую форму? Начальник экспедиции возразил, что всякий город обиталище живых существ, а внутри странных камней имеются пустоты столь совершенных пропорций, что иначе чем жилыми комнатами их не назвать.

– Вы нашли там мебель или предметы обихода?

– Я сказал – пустоты! – ответил Сидоров, нахмурясь. – Это означает, что, кроме пустоты, мы там ничего не обнаружили. Ни следа каких-либо изделий. Что до атмосферы, то если она на Альтоне когда-то и была, то полностью растеряна в космосе миллионы лет назад.

– И после этого вы утверждаете, что Альтону населяли живые и притом разумные существа?

– Да, утверждаю. И в этом суть моих расхождений с Карпентером. Карпентер – величайший из звездопроходцев, его призвание – наносить на карту планеты. Колумб звездных миров – вот что это за человек. Но такие мелкие объекты, как живые существа, его уже не интересовали. Если он сталкивался с жизнью на планетах, он добросовестно отмечал ее, и только. Можете мне поверить, я десять лет работал главным помощником этого великого астронавта. Мыслителем

он, к сожалению, не был.

– Я все-таки не усматриваю доказательства...

– Подождите. Я не закончил о Карпентере. Он признавал жизнью лишь те ее формы, которые распространены в звездных окрестностях Солнца мышление, только схожее с нашим. Я же допускаю жизнь, отнюдь не аналогичную нашей, и разум, отличный от человеческого.

– Вы не отвечаете на мой...

Когда начальник экспедиции раздражался, его глаза уже нельзя было считать бесцветными. А он раздражался при малейшем несогласии с ним.

– Я сказал: подождите! То, что я назвал городами, носит явные черты искусственности. Даже эта размытость очертаний... Ведь все остальное на планете выпирает острыми гранями и углами! Города необычны для местного пейзажа, а жизнь, между прочим, везде творец необычайности. Посмотрите сами на эти сооружения, и если вы не признаете в них искусственные механизмы, то я объявлю вас слепыми.

На экране теперь громоздились сооружения, похожие на старинные машины, наполнявшие земные музеи. И их было много: гигантское кладбище машин, расставленных в каком-то своем порядке, – покинутый творцами, омертвевший завод...

– Металлический сплав, – ответил Сидоров на вопрос Роя о том, каков материал агрегатов. – Никель и еще восемнадцать элементов. Вот вам, кстати, новое доказательство ис-

кусственности. Альтона – каменная, а механизмы на ней – металлические. И компоненты сплава нигде не варьируются даже на миллионную долю процента. Земной металлургии такая точность плавки и поныне не снилась.

– По-моему, я вижу приемные антенны, – сказал Генрих, всматриваясь в экран. – А неподалеку – отражатель радиоволн...

Начальник экспедиции усмехнулся:

– А когда пошатаетесь среди этих механизмов, то обнаружите колеса, рычаги, емкости, сопротивления, токопроводы и еще тысячи известных вам элементов машин, а заодно и десятки тысяч неизвестных. И назначение их нам непонятно, и мертвые машины не могут продемонстрировать работу. Нам остается добросовестно все фотографировать и описывать и отсылать на Землю для размышления. Пусть они там строят гипотезы.

Генрих задумчиво сказал:

– Гипотезы строить можно. Допустим, механизмы созданы исчезнувшими разумными существами. Но для чего они могли служить на планете, лишенной воздуха и воды?

– Возможно, как-то обеспечивали жизнедеятельность альтонцев.

Сидоров погасил экран. Рой спросил, каковы взаимоотношения внутри экспедиции. Сидоров считал их нормальными. Когда пять человек ежедневно видятся, они порядком приедаются друг другу. Но ссора Фреда и Аркадия бы-

ла единственной за годы изучения Альтоны. К тому же каждый сотрудник представляет собой особую отрасль науки – соперничество исключено. И, естественно, в своей области любой талантлив: людей, лишенных дарования, не послали бы в такую экспедицию.

5

Генрих, просматривавший альбом снимков Редлиха, сказал, что, будь он женщиной, он бы влюбился в такого мужчину. Редлих был красив своеобразно: на худощавом, энергичном, почти суровом лице смеялись добрые глаза. Мужественность сочеталась в Редлихе с детскостью.

Рой диктовал в прибор сводку фактов и серию предположений. Перед этим братья посетили и города и завод. Городов было много, завод один. Непонятные машины казались новенькими, хотя они, несомненно, были созданы миллионы лет назад. Города, наоборот, выглядели полуразрушенными – если только это и вправду были города.

– Скажи что-нибудь, – попросил Рой, окончив диктовку. – Сейчас на Альтоне самая большая загадка – ты. В салоне ты всю беседу промолчал. Ослепи новой идеей. Я истосковался по несуразностям.

– Несуразность – в твоей сводке событий, – отозвался Генрих. – И в ней – разгадка тайны.

– А яснее?

– Аркадий мог желать беды Фреду сразу после ссоры – гнев, туманящий голову, ощущение своего унижения... Но в это время он не причинил Фреду никакого зла. Потом тот спас ему жизнь – враждебные действия против спасителя немислимы, тут я согласен с Сидоровым. А погибает Редлих именно во время улучшения их отношений. Здесь парадокс, и я ломаю над ним голову.

– А если Аркадий такой человек, у которого обида лишь усилилась, когда соперник, спасая его, продемонстрировал превосходство?

– Ерунда, Рой. Посмотри на Аркадия – это же очаровательный парень: мнительный, вспыльчивый, самолюбивый и душевный. И права Анна – он живет не в древние времена, когда люди сводили счеты при помощи личной мести.

– У тебя есть свой вариант гибели Редлиха?

– Нет. И потому занимаюсь твоим – беру за исходный пункт самое невероятное. Ты сказал: надо различать в преступлении мотивы и способ. Способ – загадка. Но если Аркадий и вправду убийца, то не меньшая загадка – мотивы. Почему он убил Фреда тогда, когда испытывал к нему благодарность и дружба их вновь стала налаживаться? Фред ежедневно выходил на планету, то, что совершилось через три месяца после ссоры, могло совершиться раньше. Если бы убийство произошло до спасения Аркадия, мотивы были бы естественней.

– Очевидно, имеются причины, почему смерть Редлиха не

могла совершиться раньше.

– Именно. Иначе говоря, появляется новая загадка: слишком, так сказать, поздней расправы с Редлихом.

– И получается по Сидорову: одна загадка разъясняется путем создания другой загадки.

– Даже двух других загадок, – хладнокровно заметил Генрих. – Я имею в виду, что убийцей был Аркадий, а это физически невозможно. И что он свел счеты с Фредом в тот миг, когда уже не мог желать ему вреда, ибо был ему обязан собственным спасением.

В дверь постучали. В комнату вошла Анна. Рой, поднявшись, предложил ей сесть. Она села, положив руки на колени. Бледное лицо и неровное дыхание показывали, что она волнуется. В салоне во время общего обсуждения она держалась гораздо спокойней. Она смотрела на одного Роя. Рой учтиво ждал.

– Я не помешала? Вы, вероятно...

Она говорила с таким смущением, что Рой пришел ей на помощь:

– Вы хотите сказать нам что-то важное, друг Анна?

Она справилась с голосом, но говорила медленней, чем в салоне:

– Не знаю, важное ли. Для меня это, конечно, важно. Я не сказала вам о моем отношении к Фреду... Я не хотела при всех говорить о своих чувствах.

Она опять замолчала, нервно сжав руки. Рой, немного по-

дождав, заговорил сам:

– Мы с братом, кажется, догадываемся. Вы были влюблены в Редлиха?

Анна только молча кивнула.

– А Аркадий влюблен в вас? И он ревновал вас к Фреду?

– Он жалел меня, – сказала она глухо.

Рой переглянулся с Генрихом. Генрих, не вмешиваясь в разговор брата с Анной, наблюдал за ней. Рой стал задавать Анне вопросы. Он не собирается вторгаться в душу, его служебная обязанность – исследовать действия, а не чувства, но в непостижимом происшествии на Альтоне чувства, вероятно, диктовали действия...

– Я не хочу ничего скрывать, – прервала Анна. – Для того я и пришла сюда. Дело в том, что я – невеста Аркадия. И уже давно, еще до командировки на Альтону.

Теперь она говорила свободней. Был какой-то барьер, препятствовавший признанию, и она его преодолела. Она рассказывала, как познакомилась с Аркадием за месяц до отлета на Альтону, как он понравился ей, а она ему, как они колебались, объявить ли о своем решении пожениться и отказаться от интереснейшей командировки, так как на дальнейшие планеты супружеские пары не берут, или воздержаться от близости на три года, до возвращения с Альтоны. Аркадий упрашивал ее остаться на Земле, решение лететь принадлежало ей. Они дали друг другу слово не переступать на Альтоне границ дружбы. Они держались этого слова. Никто

бы не мог упрекнуть их, что они нарушают законы, установленные для дальних экспедиций.

А на второй год на Альтоне появился Фред Редлих, заменивший заболевшего пятого члена экспедиции...

Голос Анны снова стал глухим, она опять нервно сжимала руки. У нее попеременно вспыхивало и бледнело лицо. Фред Редлих был человеком с трудным характером. Репутация блестящего исследователя внеземных цивилизаций, вдумчивого и смелого ученого, к тому же – красивый, сильный... На Земле его избаловали, надо прямо сказать. Легкие победы над женщинами он рассматривал как что-то естественное. И, появившись на Альтоне, он дал понять, что далеко не со всеми экспедиционными запретами будет считаться. Просто дружеские отношения с Анной его не устраивали. Трудно даже назвать ухаживанием его поведение, правильной другое слово наступление. Она как-то пригрозила, что пожалуется Сидорову. Фред язвительно расхохотался: «Как вы думаете, это меня остановит, Анна?» Она ничего не ответила и вышла. Он догнал ее в коридоре, с силой схватил за руку и прошептал: «Идите к Сидорову, прошу вас. Надо же вам знать, насколько вы для меня важнее всех Сидоровых на Альтоне и в мире!» В эту ночь Анна не спала. Она поняла, что события идут к беде. Рой мягко сказал:

– Значит, он по-серьезному влюбился в вас, Анна, если так повел себя?

Она покачала головой:

– Он не влюбился, он увлекся. Фред был неспособен на серьезные чувства, он мог увлекаться. По-настоящему он был влюблен только в археологию. Каменным богиням, найденным на Зее-2, он отдал больше страсти и времени, чем всем своим возлюбленным, вместе взятым. Открытые им изделия древних цивилизаций навсегда сохранились в его памяти, он мог часами с восторгом говорить о них. Женщины же в его жизни появлялись и исчезали, он часто не мог правильно назвать имени той, в которую был когда-то влюблен, он смотрел на фотографии своих подруг и путал их имена. Любовь, накатывавшая на него временами, была стремительна, бурна, настойчива, но оскорбительна. Она мучила, ей было трудно противиться – радости в ней не было.

– Все это было до вас, – вдруг сказал Генрих. – Вы не допускаете мысли, что Фред переменялся, встретив вас? Что чувство к вам – впервые в его жизни – было серьезным?

Анна повернулась к Генриху, долго всматривалась в него, словно не понимая вопроса. Она колебалась, это было явно. Генрих знал ответ и не сомневался, что она его тоже знает. Он хотел определить, какова мера искренности в ее словах, исчерпывающа ли ее честность перед собой. И когда она заговорила, Генрих, удовлетворенный, взглядом показал Рою, что больше вмешиваться в беседу брата с Анной не будет. Она сказала то, чего он ждал.

– Посмотрите на меня, – попросила она с горечью. – Разве я похожа на тех красавиц, которым он дурил голову? В

сравнении с ними я дурнушка. У него был альбом – друзья, сотрудники по прежним экспедициям, возлюбленные... Он с охотой показывал его нам, я могла определить свое место в их ряду. Да и не в одной внешности дело. Духовно я тоже проигрывала... Он вращался среди блестящих людей, мужчин и женщин. Я сразу поняла, что лет через пять, показав на мою фотографию, если она займет место в его альбоме, он скажет: «А вот эта – Таня... Нет, кажется, Мэри... Не помню точно. Мы с ней провели отличные два года на Альтоне. Просто не могу понять, почему я так скоро охладел к ней!»

Она замолчала и перевела дух, стараясь усмирить поднявшееся волнение.

– Возвращаюсь к тому вечеру... Ну, когда Фред сказал, что он подождет... Аркадий вбежал в салон. Я рыдала, положив голову на стол, он стал на колени, успокаивал меня. Я была вне себя, не могла совладать с собой. И я наговорила лишнего. Я призналась Аркадию, что люблю Фреда, и что любовь Фреда ко мне ужасает и оскорбляет меня, и что у меня нет сил защищаться, и что, если он не оставит своих настояний, я не смогу устоять. «Недолго ждать ему, недолго!» – прокричала я со слезами. До сих пор не могу простить себе, что впала в истерику... В моей жизни не было человека, столь же великодушного и нежного, как Аркадий. Он мог бы мне простить все проступки и словом не упрекнуть, но разве это оправдывает, что я его так мучила? И я все говорила, все говорила, пока вдруг не взглянула на него и не испу-

гальса того, что делаю. У него было ужасное лицо... нет, не ужасное, это не то слово, а какое-то отчаянно-отрешенное. Мне вдруг стало так страшно, что я начала оправдываться, стала умолять Аркадия о прощении. Он погладил мои волосы и сказал очень тихо: «Анна, уедем с Альтоны! Подадим рапорт и уедем. Иначе нас ждет большое горе!» Я ответила: «Подождем, Аркадий. Если ничего не изменится, подадим рапорт». Мы еще поговорили немного, и Аркадий ушел в генераторную, а я – в свою комнату.

– Рапорта вы не подавали? – уточнил Рой.

– Не было нужды. С того вечера и до своей смерти Фред вел себя безукоризненно. Мне кажется, начинались дружеские отношения. Налетевшая на него страсть ко мне оказалась недолговечной.

«Во всяком случае, меньшей, чем твоя страсть к нему», – подумал Генрих, услышав, как дрогнул ее голос от внутренней боли.

Анна встала.

– Не знаю, поможет ли вам мое признание, но во всяком случае я облегчила свою душу. Прошу вас: не надо рассказывать Аркадию о моем приходе. Я искренне его люблю, поверьте. Ему было бы очень больно, если бы он узнал, что я призналась вам в своем отношении к Фреду. Я не хочу огорчать Аркадия. И не хочу лгать вам.

– Аркадий ничего не узнает о нашем разговоре, – заверил Рой, провожая Анну до дверей.

Когда дверь закрылась, Генрих возбужденно воскликнул:

– Рой, пригласи Аркадия! С ним нужно поговорить!

– Нужно ли? – с сомнением переспросил Рой. – Мы дали

Анне слово...

Генрих нетерпеливо махнул рукой.

– Все твои обещания будут выполнены! На этот раз я сам буду разговаривать с ним. И речь пойдет только о нем и его поступках, а не о чувствах Анны.

Рой вызвал Аркадия. Энергетик явился через минуту.

– Простите, что мы снова отрываем вас от дела, – начал Генрих. Нужно выяснить одно важное обстоятельство. Можете ли вы самым точным образом вспомнить, что вы делали, когда возвратились в генераторную после ссоры с Фредом?

Аркадий пожал плечами. Нет ничего проще, чем вспомнить, что он делал тогда. Он ничего не делал. Он сидел перед пультом такой обессиленный, что даже трудно было руку поднять. Он бессмысленно смотрел на схемы управления механизмами и размышлял о разных вещах. В мыслях он продолжал нападать на Фреда, даже завязал с ним драку, повалил его – в общем, расправился. Мстительные мечты вскоре угасли, ни одна не превратилась в поступок. И не потому, что он побаивался сдачи – с Фредом любая драка могла обернуться плохо, – нет, просто одно дело обидчивое воображение, другое – реальное действие.

– У меня с детства стремление рисовать себе всякие кар-

тины, признался энергетик. – Если мама меня наказывала, я воображал, что умер от горя, а мать, раскаиваясь, убивается надо мной. А если ссорился с другом, то в мыслях жестоко мстил, и картина воображаемой мести быстро успокаивала меня... К сожалению, я и сейчас не отделался от этой детской привычки.

– Итак, вы сидели у пульта? – уточнил Генрих.

– Тогда как раз начались пусковые испытания генераторов. Я уже говорил, что они шли на малой мощности. Мы проверяли предположение, что непонятный завод – энергетическое сооружение, и пытались воздействовать на него электрическими полями.

– А как работали генераторы спустя три месяца, в день, когда произошло несчастье с Фредом?

– В тот день мы запустили их на максимальную мощность. Для наблюдения за экспериментом мы и собрались в салоне, хотя обычно работаем в своих комнатах. Но и мощные электрические потоки не оживили ни одного из загадочных механизмов.

– Вы сказали: собрались в салоне все?..

– Фред тоже был с нами. Но ему надоело следить за приборами, он оделся и вышел на планету. Потом раздался крик о помощи и вопль, что я его убиваю... Я в это время сидел у экрана.

– Достаточно, спасибо, друг Аркадий, – сказал Генрих.

Аркадий ушел, Генрих весело объявил Рою:

— Как ты уже догадываешься, меня полоснула ослепительная идея. Из тех, что ты так жаждешь. И если она подтвердится, загадок больше не будет. Ты сказал Анне, что чувства диктовали действия. Если я прав, то на этой удивительной планете чувства и есть действия. Но потребуется опасный эксперимент...

— Раньше такие эксперименты называли следственными, — с удовлетворением объявил Рой, когда Генрих изложил свою идею. — Будь покоен, я сделаю все, что ты требуешь.

6

Генрих, выходя, подбодрил Роя веселым взглядом. Генераторы работали в надежном режиме, случайностей быть не могло. Рой нервничал. В последнюю минуту он стал просить брата остаться в салоне, но Генрих отверг его домогательства: менять программу эксперимента было поздно, выход наружу Роя мог породить новые неожиданности, отнюдь не разясняя старых.

С Роем осталась Анна. Она следила, чтобы генераторы не сбрасывали мощность. Сидоров, Замойский и Шарлюс сопровождали Генриха. Братья объяснили им, что сегодня надеются оживить машины и что увидеть их возвращение к деятельности лучше во тьме на планете, а не на экране.

Молящие глаза Аркадия Замойского и усердие, с каким он готовил генераторы к работе на максимальном режиме,

яснее слов рассказывали, сколько надежд он связывает с удачей эксперимента.

Над Альтоной забушевала электрическая буря: заряды, выбрасываемые генераторами, насыщали поверхность планеты, накапливались на каменистых остриях и гранях. Четыре человеческие фигуры, двигавшиеся во тьме, превратились в своеобразные разрядники. «Жалко, что здесь нет атмосферы, думал Генрих, всматриваясь в черноту впереди, где размещалось кладбище странных машин, – вот была бы феерическая картина, если бы такая электрическая вакханалия разразилась в земном воздухе, ионизируя его молекулы!»

И Генрих, с нетерпением ожидавший именно этого, первым увидел, что от машин приближается новая человеческая фигура – в скафандре, с копьём в руке. Но двигался незнакомец быстрее, чем ожидалось. Он не шагал, а мчался, почти летел.

– Да это же Рой! – с изумлением закричал Сидоров в микрофон. – Как он сумел опередить нас? Он же остался в салоне.

– Оружие! – скомандовал Генрих и выхватил электрический пистолет.

Он не успел выстрелить, как незнакомец, выбросив вперед копьё, ринулся на Генриха. И если бы Генрих не знал заранее, что произойдет, он не сумел бы увернуться от стремительного выпада. Генрих потом говорил, что был тот случай,

когда секундное промедление могло стоить жизни. Незнакомец слишком походил на Роя, это была вторая неожиданность. Это был словно сам Рой, внезапно вынырнувший из темноты, – Генрих не осмелился разрядить пистолет.

Зато выстрелил начальник экспедиции, но промахнулся. Выстрелы Шарлюса и Замойского слились. Заряд взволнованного энергетика тоже промчался мимо, зато хладнокровный физик угодил в незнакомца. Тот пошатнулся, но, устояв, снова замахнулся копьем.

Все остальное совершилось в считанные секунды. Вдруг с той же стремительностью незнакомец стал удирать.

Сумрачный ореол уносился в сторону мертвого завода, быстро стираясь в вечной черноте планеты.

– За ним! – крикнул Сидоров и помчался за беглецом. Генрих нагнал его и остановил.

– Пустите! – Начальник станции яростно вырывался. – Преступника нужно схватить!

– Вы никого не схватите. Преступника нет. Он существовал всего несколько минут.

– Выгораживаете своего вероломного брата? Мы все видели, что это Рой!

– Рой мирно сидит около Анны и наблюдает, что совершается с нами на планете. Возвратимся на станцию, и сам Рой расскажет нам, в чем суть эксперимента.

Рой любил такие минуты – увлеченные глаза, покрасневшие от волнения щеки.

Сегодня он не мог пожаловаться на недостаток внимания у своих слушателей.

– Нам с самого начала было ясно, что нормы древней криминалистики не подходят, – говорил он в салоне. – Земные детективы установили, что убийства в обычном смысле не произошло, и были правы. Но Редлих погиб физически, и, стало быть, существовали физические причины его гибели. Мы были уверены, что столкнулись с еще не слыханным явлением, и поэтому искали лишь таких объяснений, которые самим представлялись невероятными. Самым невероятным было, согласитесь, что на Фреда совершил нападение Аркадий. Это стало бы достоверным, если бы удалось доказать, что на Альтоне возможно физическое раздвоение личности – появление некоего материального дубля Аркадия, способного хоть на короткий миг совершать самостоятельные действия, так сказать, от его лица.

– И вы предположили, что механизмы, оставленные на Альтоне неведомой цивилизацией, могут телесно воспроизвести любого из нас? – уточнил начальник экспедиции.

Рой кивнул.

– Идея эта появилась у Генриха. Человеческая техника

способна создавать изображение любого существа и передавать это изображение на любое расстояние. Но наши изображения бестелесны, это всего лишь рисунки, только силуэты на экране, а не тела. Цивилизация, существенно обогнавшая человеческую, могла бы не только создавать оптические изображения, но и снаряжать их иными материальными характеристиками, например телесностью, подвижностью и так далее. Дубль – смесь рисунка и скульптуры, телесное изображение, запрограммированное на некое действие, короче роботизированная копия... Как она создается машинами. Альтоны – это мы оставляем вам в качестве проблемы для исследования. Но то, что дело обстоит именно так, мы доказали экспериментом: я пожелал напасть на Генриха с копьем, а механизмы осуществили это мое желание, создав мою телесную копию. Главная трудность, кстати, была не в том, чтобы физически меня скопировать, коль скоро загадочные механизмы на Альтоне заработали, а в том, чтобы доказать, что они вообще могут работать. Была и еще одна трудность – мотивы преступления (я применяю этот термин условно, поскольку более точного нет). И если бы не откровенность Анны, рассказавшей нам о ссоре Аркадия с Фредом, и не искренность самого Аркадия, признавшегося, о чем он думал в те тяжелые минуты, у нас в руках никогда не очутилось бы путеводной нити к разгадке тайны.

– Я и понятия не имел, что мои озлобленные мечтания могут привести к таким страшным последствиям, – прого-

ворил расстроенный Аркадий.

– Все мы привыкли думать, что разыгравшееся воображение – пустяк. Оно меньше значит, чем даже плохое слово, брошенное сгоряча. В мыслях мы зачастую позволяем себе то, чего никогда не выскажем словесно, тем более не осуществим. На Земле такой дуализм воображения и действия не опасен, но на Альтоне любая мечта – уже поступок. И если мечта нехороша, поступок превращается в проступок: воображение неотделимо от действия.

– Вы не объяснили, как разгадали тайну механизмов, – сказал Шарлюс. Толстого физика моральные проблемы интересовали меньше, чем инженерные.

– Разгадка пришла естественно. Аркадий, мечтая о мести Фреду, сидел у только что запущенных генераторов энергетических полей. Вполне можно было допустить, что эти поля, усилив как-то биоволны его мозга, передали его мечты механизмам на Альтоне в качестве вводной информации. Машины, восприняв сигналы, создали план осуществления мечты в образе дубликата Аркадия, нападающего во тьме на Фреда. Вероятно, среди картин, пронесившихся в возбужденном мозгу Аркадия, была и похожая на эту. И если Редлих не погиб сразу после ссоры, то лишь потому, что механизмам, материализующим воображение, не хватило энергии, притекающей со станции. Впервые генераторы заработали на полную мощность в день убийства. Мы обратили внимание и на это многозначительное совпадение. Оно

свидетельствовало в пользу Аркадия, ибо за эти три месяца его раздражение против Фреда превратилось в благодарность за спасение. Запоздавшее убийство было вызвано внезапно усилившимся притоком энергии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.